

ЗДЕСЬ БУДЕТ ГОРОД НАУКИ

1958 Бригада школьников из села Викулово Тюменской области прибыла на строительство Академгородка

Для многих молодых людей со всех уголков страны, кого в свое время «позвал» сибирский город науки, он стал последней и «окончательной» родиной. Наш автор, по его словам, на сегодня входит в число немногих аборигенов новосибирского Академгородка, кто прошел здесь почти все возможные ипостаси, от строителя и студента до ученого и «научного чиновника». Ему довелось работать бок о бок с выдающимися руководителями Сибирского отделения Академии наук СССР (с 1991 г. – СО РАН): академиками А. А. Трофимуким, В. А. Коптюгом и Н. Л. Добрецовым, оставившими незабываемый след в истории сибирской науки

Желание принять первое важное самостоятельное решение появилось у меня и моего ближайшего друга Левы Буянова после окончания 7-го класса под влиянием одного из героев Джека Лондона, исповедовавшего близкую нам идеологию: «Не важно, где и когда мы умрем, было бы здоровье, чтобы увидеть все, что можно!».

Для начала послали документы в авиатехнический техникум, но получили отказ: я – по причине неполноценного зрения на один глаз, Лева – из-за судимости у его отца-врача. Очень расстроились, но решили: «Кому не дано летать – может ползать», – нужно окончить школу и стать геологами. Успокоил меня по-своему и дед Яков: «Оставайся в Викулово, станешь шофером – будешь на селе уважаемым человеком».

Серьезные перемены в жизни намечались у нас три года спустя благодаря номеру журнала «Огонек», где

на развороте была помещена фотография соснового леса (в нашем восприятии – сибирской тайги) с крупной надписью: «Здесь будет город науки». Почему эта иллюстрация так всколыхнула наше воображение? В те особые времена молодежь стремилась к подвигам, каждому хотелось совершить в жизни что-нибудь значительное. Тогда к освоению целины, к БАМу, который строился позднее, в 1970-х гг., относились как к шансу внести свой вклад в историю Родины. Мы решили строить город науки.

Всего таких желающих набралось 28 человек из трех выпускных классов 1958 г. У некоторых из нас, очевидно, были особые резоны вступить в команду. В то время жители райцентра, как наше Викулово, получали паспорта (и, соответственно, прописку и свободу передвижения) по достижении 16 лет как полноценные граждане СССР. Но некоторые наши выпускники

ЕРМИКОВ Валерий Дмитриевич – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник и заведующий отделом инновационных программ Института геологии и минералогии им. В. С. Соболева СО РАН (Новосибирск). В Сибирском отделении АН СССР–РАН работает с 1965 г. Награжден Орденом Дружбы (1997) и Орденом Почета (2007). Автор и соавтор более 160 научных и научно-популярных работ, в том числе 5 монографий

Первостроители Академгородка: *второй слева* – Лев Буянов, *третий справа* – Валерий Ермиков. На фоне здания администрации СУ-4 треста Новосибирскгэсстрой. Август 1958 г.

Ключевые слова: строительство Академгородка, история науки, история СО АН СССР.

Key words: Construction of Academgorodok, history of science, history of SB AS USSR

© В. Д. Ермиков, 2017

проживали в деревнях Викуловского района, поэтому формально числились членами колхозов и по законам того времени не имели на руках паспортов. Участие в строительстве объектов государственной важности в составе комсомольской команды давало возможность получить разрешение соответствующих сельских советов и вырваться из колхозной «кабалы».

Бригада «тюменцев»

Оказалось, что старший брат нашей одноклассницы Нины Бураковой уже работает на строительстве Академгородка. На письмо он ответил, что всех нас ждут, устроят на работу и в общежитие. Уже в конце июня наши ребята выехали в Новосибирск, задержались только мы со Львом: хотели все хорошо обдумать, так как поездка на стройку отдаляла нашу мечту стать геологами на неопределенный срок. Ребята между тем сообщали, что встретили их хорошо, живут они в палатках среди леса. Копают котлованы, но вскоре будет создана бригада учеников-каменщиков. После этого мы решили, что геология от нас не уйдет.

Субботним вечером мы с Левою сошли на платформу прекрасного Новосибирского железнодорожного вокзала. Сдали нехитрый багаж в камеру хранения и пошли выяснять, как проехать на строительство «городка науки». Но милиционеры ничего о таком не слышали. В справочном бюро долго перебирали бумаги, а затем послали нас в район ГЭС. Ночь провели на вокзале, просмотрели несколько фильмов, благо в то время там круглосуточно работал кинозал.

Утром мы сели в автобус, по новому коммунальному мосту переехали на левый берег Оби и долго ехали среди новостроек и пшеничных полей, пока не увидели ГЭС и вдалеке сосновый лес. Про город науки здесь также никто ничего не знал, и мы решили сами найти среди леса палаточный лагерь. Увы, долгие блуждания были безрезультатны, пришлось вернуться на вокзал.

Валерий Дмитриевич Ермиков родился в г. Прохладный (Кабардино-Балкария), в 1958 г. окончил среднюю школу в с. Викулово (Тюменская обл.), в 1965 г. – геолого-геофизический факультет Новосибирского государственного университета по специальности «инженер-геолог». Занимался изучением тектоники мезозоя Центрально-Азиатского горного пояса, а впоследствии палеозойскими образованиями запада Алтае-Саянской горной области.

В 1978–1980 гг. входил в совет директоров молодежного НПО «Факел», возглавляя филиал «Геология».

С 1978 г. активно занимался научно-организационной деятельностью, сначала в качестве ученого секретаря научного совета СО РАН по экологии. В 1984–2008 гг. работал начальником управления организации научных исследований, заместителем Главного ученого секретаря СО АН (СССР–РАН). Внес большой личный вклад в создание и утверждение в качестве государственной программы «Сибирь». При его участии сформирована «Программа научного и технологического обеспечения социально-экономического развития Кемеровской области».

В. Д. Ермиков – один из основателей и заместитель главного редактора первого состава редколлегии научно-популярного журнала СО РАН «НАУКА из первых рук», главный консультант трех научно-популярных фильмов, посвященных СО РАН

Бригада «тюменцев» на строительстве школы № 25. Декабрь 1958 г.

Фильмы в вокзальном кинотеатре мы все просмотрели еще в прошлую ночь, а к двум молодым пассажирам, спящим на скамейках, начала присматриваться милиция. Перетерпев до утра понедельника, мы пошли в обком ВЛКСМ, где, в конце концов, отыскались люди, которые сообщили, что Академгородок строится к югу от города, неподалеку от деревни Нижняя Ельцовка, и что ехать туда нужно автобусом от автовокзала. Однако, приехав в деревню, мы не нашли и следов строительства, и даже местные жители ничем не смогли нам помочь.

Решив действовать «методом Шерлока Холмса», мы стали следить, куда везут строительные материалы. Прошагав несколько километров, добрались до туннеля под железной дорогой и вскоре оказались перед зеленым одноэтажным деревянным бараком с надписью «Новосибирскгэсстрой-2». Это здание на Бульваре Молодежи сохранилось до сих пор.

В конторе строителей нашу бригаду «тюменцев» знали, и Валерия Ермикова вместе со Львом Буяновым быстро оформили землекопами в 4-е строительное управление. Нам выдали спецодежду и отправили на «квартиры». Большие армейские десятиместные палатки стояли в лесу недалеко от главной строительной конторы Академгородка. Примерно на этом месте позднее было выстроено первое здание физико-математической школы, а потом разместилось Высшее военное училище.

Уже на следующий день мы копали котлован под фундамент дома на углу будущих улиц: Обводной (ныне Терешковой) и Морского проспекта.

Каменщик пятого разряда

К августу 1958 г. из всех объектов будущего Академгородка в наличии были просека под Морской проспект, первый этаж Института гидродинамики и фундаменты под Институт ядерной физики и Институт геологии и геофизики. Строились и первые пять трехэтажных жилых домов на будущей улице Терешковой.

Землекопное дело закончилось для нас недели через две. Всю бригаду «тюменцев» определили в ученики каменщиков и отправили на жилой дом № 2 на улице Обводной. Дали нам мастера по фамилии Аринченко. С ним нам просто повезло: это был энергичный человек небольшого роста, но большой души, который очень любил свою работу. Кирпичи, прежде чем лечь в стену, просто летали у него в руках. Мастер и нам старался привить любовь к профессии каменщика, постоянно устраивая маленькие соревнования.

Уже через пару месяцев мы с Левоу выполнили норму на четвертый разряд (по шкале из семи), и нам доверили работать на лицевых сторонах здания с кладкой под «расшивку». А к марту, когда мы освоили мастерский норматив (6–7 кубометров за смену), присвоили пятый разряд. До сих пор помню чувство удовлетворения и даже удовольствия, которое испытываешь, когда видишь, что стена твоими усилиями растет день ото дня.

Бригада наша работала хорошо и дружно. Сохранился первый номер газеты «Академстроенец»: на первой странице снимок – основатель Сибирского отделения АН СССР академик М. А. Лаврентьев моет руки в Обском «море», а на обороте – фотография бригады «тюменцев» – нашей бригады. Вот так работали.

Вскоре нас перевели на строительство здания классом выше – школы № 25 (ныне – Новосибирская гимназия № 3), и мы вновь начали с первого этажа, но уже с облицовки стен белой плиткой. Тогда я еще не знал, что школа, которую я строю, станет моей «семейной». В ее стенах я сдал в 1960 г. вступительные экзамены в НГУ, а потом там учились моя дочь и внуки.

Как отдельная бригада «тюменцы» просуществовали месяца три. Однажды после праздника администрация запоздала с выдачей заработной платы. Жили-то от полочки до полочки, поэтому мы с утра не вышли на работу, сказав, что будем экономить «энергию». И хотя с обеда половина бригады появилась на рабочем месте, нас «проработали» как следует, назвав демарш «водой на мельницу американской пропаганды», и бригаду

расформировали. Я и Лева попали «на перевоспитание» в бригаду коммунистического труда, работавшую на строительстве большого четырехэтажного общежития университета на углу Обводной и Морского проспекта. Этот дом – единственный объект в Академгородке, в строительстве которого я, как каменщик, участвовал от начала и до конца.

Новая работа началась с приключения. Мы энергично начали кладку первого этажа под руководством прораба, молодого специалиста Лени Проценко. Здание строилось с длинным широким коридором вдоль всего корпуса, от которого в обе стороны отходили комнаты. Мы в рекордные сроки возвели первый этаж и только собрались перекрывать его панелями... О, ужас! Панели в одном конце коридора проваливались, так как коридор оказался на 10 см шире нормы. Ошибку при разметке коридора допустил молодой прораб. Ломать оказалось морально труднее, чем строить. А Лене Проценко пришлось потом два года возмещать государству нанесенный ущерб из своей заработной платы. Хорошо

Каменщик Валера Ермиков в «выходной» робе. Палаточный городок строителей. Август 1958 г.

В «Коммуне № раз» праздники отмечались коньяком и ликерами из граненых стаканов. *Академгородок, первое общежитие строителей, 1959 г.*

еще, что кирпичи и раствор тогда были значительно дешевле, чем теперь.

Впрочем, «первый блин комом» нашего прораба не смутил, и уже на втором этаже он предложил рационализировать работу. Пока часть каменщиков на здании выкладывала стены от перекрытий до простенков, другие в это же время выкладывали на земле в заранее подготовленные формы сами простенки. Затем их быстро поднимали краном и устанавливали на стены, и после установки перекрытий можно было начинать следующий цикл. Строительство значительно ускорило, а работа «наземной» части каменщиков стала комфортней, хотя общежитие строили зимой.

Сегодня стены этого здания прикрыты с трех сторон «вентилируемым фасадом». Но если присмотреться, с задней стороны можно заметить, что в основании некоторых простенков на 2–4 этажах швы толще и не всегда ровные. Это побочный результат нашей рационализации: блоки выравнивать «по шнуру» сложнее, чем кирпичи.

Культура работы снабжающих организаций в то время была низкой. Кирпич и раствор поставлялись неритмично, часто перед самым концом смены. Облицовочные материалы привозились в самосвалах, чаще всего «навалом». Каменщик вынужден был долго выбирать целую сторону кирпича или плитки на стене

для облицовки фасада, и не всегда успешно. Все это сказывалось на качестве швов и красоте облицовки. Однажды и я «напортчил». Увлечшись внешним фасадом, целый день вел внутреннюю стену «на глазок». Наутро бригадир поднялся на леса с топором: «Как ты думаешь, сколько раствора должен будет положить штукатур, чтобы выровнять твою стену? Несколько тонн?! Вот тебе топор – выравнивай, к вечеру проверю». Этот день «каменной рубки» запомнился надолго.

И все-таки наше здание росло, и к апрелю его подвели под крышу. Наш прораб больше ошибок не допускал и стал одним из лучших на стройке. Позже строительством Академгородка занялась специально созданная организация – «Сибкадемстрой». Качество и темпы строительных работ быстро изменились в лучшую сторону. Правда, мы к тому времени уже давно были студентами, хотя осталась некая горечь, что все лучшее на стройке началось после нас.

Жизнь в коммуне

Но это я забежал далеко вперед. Тогда же наш молодежный строительный «интернационал» жил в палатках до первого снега. Жил дружно и весело, с утренней зарядкой и вечерними танцами на поляне, что зафиксировано в кинохронике Западно-Сибирской киностудии и наших личных фотографиях. Художественные кинофильмы смотрели в близлежащей деревне под названием Чербусы (сейчас на этом месте стоят дома улиц Демакова и Полевой). Кинотеатр там

В тот день дежурным по палатке и по совместительству «шеф-поваром» был Валера Ермиков. *Академгородок, палаточный лагерь строителей 1958 г.*

На втором году строительства Академгородка стараниями академика М.А. Лаврентьева, недовольного качеством и темпами работ, было принято Постановление Правительства СССР о создании специализированной строительной организации «Сибкадемстрой», подчиненной Министерству среднего машиностроения СССР, которое возглавлял легендарный министр Е.П. Славский. В 1964 г. Государственная комиссия приняла первую очередь Академгородка с оценкой «хорошо». А сам «Сибкадемстрой» вырос в крупнейшую в СССР строительную организацию, занимаясь возведением важных государственных объектов далеко за пределами Академгородка

был оборудован в бывшем скотном дворе, и звезды просвечивали сквозь щели между бревнами...

Кормились мы сами. Завтраки и ужины готовили по очереди бригадные дежурные, в обед перекусывали прямо «на стене» или, позднее, в дешевой столовой. Сама идея «общепита» понравилась, и мы ее вновь применили, когда переехали в относительно комфортные общежития «Юнгородка» – одноэтажные деревянные бараки с централизованными удобствами и отоплением.

В мужском общежитии мы поселились вшестером в одной комнате: я, Лева, Женя Березин из Читы, Саша Ревякин из Самарканда, двое корейцев из Узбекистана – Броня Пак и Ролик Ким. Мы назвали это «коммуной номер раз». Правила коммуны затрагивали не только питание. Основная часть нашей заработной платы обобществлялась. Из этих денег дежурный покупал продукты, и любой из нас мог взять нужную сумму для приобретения необходимых личных вещей, от зубной щетки до брюк. И никто не злоупотреблял – обходились одной парой штанов. Впрямь не запасали, да и не с чего было. Но если кто-то шел на свидание, то тут уж парня одевали в самое лучшее, что у кого нашлось.

По нашим тогдашним понятиям лучшим алкоголем были коньяки и ликеры, однако купить их в немногочисленных киосках Академгородка было невозможно. Поэтому к празднику в город отправлялся специальный гонец с чемоданом. Автобусы туда ходили редко, электричек практически не было. Помню, как подсаживался на станции «Сеятель» на площадку грузового поезда, и меня гоняла железнодорожная охрана. Пили, естественно, из граненых стаканов. Очень непросто было выпить за раз половину стакана зеленого «Шартреза» – после такого «коммунального опыта» я долго не мог даже смотреть на ликеры...

Мою маму не устраивали мои редкие письма, и она неожиданно нагрянула поздней осенью с чемоданом домашних вкусов. Как назло, в тот день на стенке подо мной обломился кирпич, и, срикошетив о леса, я воткнулся

С Валентином Афанасьевичем Коптюгом в Доме ученых. 1993 г.

вниз головой прямо в снежный сугроб с обломками кирпичей. Происшествие закончилось для меня относительно благополучно, но перебинтован и измазан зеленкой я был изрядно.

Вернувшись с работы, мы застали просто пасторальную картину. Наш дежурный Женя, красивый блондинистый пай-мальчик, встретил маму, накормил ее и в момент нашего появления с ангельским видом описывал ей нашу замечательную «коммунальную» жизнь: «А что насчет пустых бутылок под кроватью, так это забыли строители общежития, а мы не успели их сдать,

В. Д. Ермиков на заседании Президиума СО РАН. 2005 г.

потому что приемщик приезжает редко». И в это время появляюсь я с забинтованной зеленой рожей – это произвело на маму неизгладимое впечатление.

В конце концов, нам удалось убедить ее, что мы не падаем со стенок каждый день, что быт наш благоустроен, мы не голодаем и в сложившейся компании чувствуем себя весьма комфортно. Успокоенная, она уехала домой в Викулово рассказывать о нашем житье-бытье другим родителям.

Вскоре рядом с нашими общежитиями «комсомольцев-добровольцев», мужским и женским, появилось еще одно, заселенное выпускницами ФЗУ, отделочницами-профессионалами. Очень быстро наша «коммуна» познакомилась с веселой компанией девчат. Стали часто встречаться «комнатами», появились взаимные симпатии. Но отношения были удивительно чистыми. На редких парных свиданиях проблемой было осмелиться на первый поцелуй... Но и времени для таких свиданий особо не было. Выходной был один – воскресенье, а наши бригады работали в две смены, которые не всегда совпадали.

Интересно, что к нашим викуловским девчонкам все время пребывания на стройке мы относились по-товарищески, почему-то и в голову не приходило питать к ним «далеко идущие намерения». Уже много позже, на юбилейных празднованиях нашего школьного выпуска я смотрел на наших красивых и по-человечески

Обсуждение проекта Постановления Общего собрания в перерыве с академиками А. Н. Скринским и Э. П. Кругляковым. 2003 г.

интересных школьных подруг и думал: «Боже мой! Где же были наши глаза?».

...К весне мы с другомлевой заскучали. Дом, который строили, был подведен под крышу, начинать новый – «затянет» до глубокой осени. А в августе приемные экзамены в Томский политехнический институт, где тогда был лучший в Сибири геологический факультет. С досугом в Академгородке было туго, в город не наездишься, поэтому мы решили вернуться домой и заняться подготовкой к экзаменам.

Но этим планам не суждено было осуществиться. В Викулово по настоятельной просьбе местных властей «известные мастера-каменщики», работая полный световой день, ударно возвели здание сельской бани. Результат – вступительные экзамены мы сдали, но по конкурсу не прошли. После года работы слесарем на красноярском заводе «Сибтяжмаш» я вернулся в Академгородок, где в июле 1960 г. стал студентом-геологом факультета естественных наук НГУ. Лева в том же году поступил в Красноярский медицинский институт, став в итоге известным военным медиком, профессором медицины.

Вообще из 28-ми выпускников Викуловской средней школы, которые в 1958 г. поехали в Новосибирск строить «город науки», практически все потом успешно окончили различные вузы. На встрече по поводу 20-летия нашего выпуска присутствовали три канди-

дата наук – выпускника НГУ, четыре полковника, два майора, а также врачи, инженеры-строители, учителя, фармацевты и экономисты. Советской школе тех лет было чем гордиться!

Новосибирский Академгородок стал для меня третьей и «окончательной» родиной. Будучи студентом, четыре года «подрабатывал» бойцом пожарной части. Участвовал в тушении семи крупных пожаров и даже представлял нашу часть на многочисленных лыжных и беговых соревнованиях общества «Динамо».

После окончания НГУ был приглашен на работу в лабораторию геотектоники Института геологии и геофизики (ИГиГ) СО АН СССР, где в 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию. Десять лет по совместительству преподавал в университете: вел семинарские занятия по общей геологии и летнюю геологическую практику для студентов-первокурсников на Горном Алтае.

С 1980 г. началась моя карьера научного чиновника: меня направили на три года на работу в аппарат Президиума Сибирского отделения АН СССР в качестве ученого секретаря по развитию периферических сибирских научных центров. Директор нашего института, академик А. А. Трофимук, считал неправильным отрывать человека от науки на больший срок. Однако мои три года «растянулись» на целых 28 лет – столь

«ФАКЕЛ» – ПЕРВЫЙ БИЗНЕС-АКСЕЛЕРАТОР

Молодежное научно-производственное объединение «Факел» появилось в Новосибирске в конце 1960-х гг. благодаря инженеру-компьютерщику Александру Казанцеву и комсомольскому лидеру новосибирского Академгородка Всеволоду Костюку. Тогда изготовление вычислительной машины «Камак» было очень трудоемким занятием, и Казанцев задумал привлечь к нему студентов, а оплату их труда проводить через райком комсомола. Комсомол, в отличие от государственных НИИ и заводов, имел законное право на создание хозрасчетных предприятий для обеспечения уставной деятельности.

Эту уникальную возможность быстро оценило руководство Сибирского отделения Академии наук, и скоро через «Факел» пошел мощный поток договоров на НИОКР, которые трудно было осуществить в рамках академических институтов. Решение любой практической задачи требует междисциплинарного подхода. И «Факел», в отличие от институтов, имел возможность создавать временные трудовые коллективы из представителей разных организаций. Еще одно преимущество «Факела» состояло в невиданном по тем временам уровне финансовой свободы. Руководитель проекта имел возможность по своему усмотрению распоряжаться бюджетом, а не ломать голову над тем, как, к примеру, купить пробирки на деньги, предназначенные для покупки канцелярских принадлежностей. «Факелу», как необычной экспериментальной структуре, нужно было действовать очень аккуратно. Поэтому Казанцеву, «партизану» по натуре, пришлось уступить место руководителю профессору Н.Г. Загоруйко. К тому времени у «Факела» было уже несколько подразделений-филиалов по разным направлениям: физике, химии, приборостроению, геологии. Все основные решения в «Факеле» принимались советом директоров. Я в 1978–1980 гг. был его членом, в 27 лет возглавив филиал «Геология».

Мы внедрили строгую отчетность, поэтому ни одна из многочисленных проверок не нашла в деятельности НПО никакого криминала. Потом, когда подопытия «Факела» стали множиться по всей стране, в «Огоньке» появилась статья «Фирма на песке», автором которой был некий полковник КГБ. Рассказав о нарушениях,

Генеральный директор НПО «Факел» проф. Н.Г. Загоруйко и один из идеологов и основателей НПО Александр Фридберг. 1969 г.

выявленных в Ростове, он огульно обвинил и Новосибирск: дескать, там тоже действуют «расхитители народной собственности». Тот факт, что после этой статьи никого из нас не посадили, можно считать доказательством абсолютной честности «факельцев».

Деньги не были для нас главным мотивом деятельности, хотя как директор филиала я получал зарплату 70 рублей в месяц (мой оклад младшего научного сотрудника в институте был в то время только в два раза больше). При этом в своем комсомольском возрасте мне пришлось отвечать за предприятие с оборотом в сотни тысяч рублей – заоблачной по тем временам суммой! Привлекало настоящее большое дело, серьезная ответственность и результаты работы, которые можно было «потрогать руками».

Общеизвестно, что на заработанные «Факелом» средства содержались многочисленные клубы по интересам и спортивные секции Академгородка, включая знаменитую «Викторию». Уже после закрытия НПО в 1972 г. средства, заработанные «Факелом», тратили несколько поколений секретарей райкома комсомола. Менее известна другая сторона деятельности «Факела», связанная с поддержкой инициативных проектов научной молодежи. Мы финансировали, к примеру, экспедиции на место падения Тунгусского метеорита.

Практически каждую неделю научным советом «Факела» рассматривались так называемые «дотационные темы». Однажды парень из нашего института,

На заседании Совета директоров НПО «Факел». Слева направо: Александр Фридберг, Олег Коробейничев, Валерий Ермиков, Валерий Пинаков. 1969 г.

Геннадий Букин, принес пробирку с микроскопическими изумрудами. Дайте, говорит, 90 тысяч рублей, и я к осени выращу друзу размером с ладонь. По сути, это был типичный стартап, но тогда даже такого понятия не было, и если бы не «Факел», средств на этот проект точно бы не нашлось. А так Букин действительно разработал технологию, за которую впоследствии получил орден, а Сибирское отделение – славу. Примечательно, что наш Институт геологии в тяжелые 1990-е выстоял, в том числе и за счет постоянного притока средств от русско-тайландской фирмы «Тайрус», которая занималась выращиванием изумрудов по нашей технологии.

Впоследствии пошли разговоры, что «Факел» в своей деятельности использовал материальную базу и человеческие ресурсы институтов. Но никто из этих критиков даже не пытался оценить конечный результат его работы, отдачу от этого «использования». «Факел» явно родился преждевременно, но сама идея была настолько здравая, что всего через год после его закрытия ЦК комсомола начал создавать по всей стране центры научно-технического творчества молодежи. Через эту систему прошли все самые видные нынешние бизнесмены. Глядишь, и мы бы стали олигархами, останься «Факел» на плаву. Если же без шуток, то работа в «Факеле» стала, пожалуй, самым ярким эпизодом в моей жизни, который дал закалку для последующей непростой управленческой работы в Президиуме СО РАН

велико оказались обаяние и влияние личностей, рядом с которыми мне довелось там трудиться.

Мне крупно повезло: почти на всех должностях, которые я занимал в аппарате Президиума, я фактически работал помощником выдающихся ученых и руководителей Сибирского отделения – академиков А.А. Трофимука (1978–1988), В.А. Коптюга (1980–1997) и Н.Л. Добрецова (1988–2008). В 1984 г. меня назначили начальником управления организации научных исследований СО АН и ученым секретарем программы «Сибирь». В этом качестве мне довелось участвовать в подготовке и проведении целого ряда крупных научных и практических мероприятий в поздний советский период, во времена тяжелого социально-экономического кризиса «смутного» времени 90-х гг. и в период возрождения Сибирского отделения в составе Российской академии наук в новых социально-экономических условиях.

Не последними факторами в мотивации моей длительной работы в аппарате Президиума СО АН были высокопрофессиональный коллектив сотрудников, комфортный рабочий климат и, главное, ощущение полезности нашей деятельности для институтов, ученых и сотрудников СО АН, а иногда даже и для страны. На праздновании 50-летнего юбилея Сибирского отделения в 2007 г. тогдашний президент РАН академик Ю.С. Осипов назвал его «жемчужиной в короне Российской академии наук». Приятно осознавать, что в этой высокой оценке есть крупинцы и нашего труда.

Литература

Век Лаврентьева. Новосибирск: Изд-во СО РАН; Филиал «Гео», 2000. 453 с. Главный геолог. Новосибирск: Изд-во СО РАН; Филиал «Гео», 2002. 332 с. Эпоха Коптюга. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. 586 с.